

**ВЫРАЗИТЕЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ГРАММАТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ
РОДА ИМЕНИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО (ВЫБОР МАРКИРОВАННОГО
ВАРИАНТА С АКТУАЛИЗИРОВАННОЙ ГРАММЕМОЙ РОДА)**

Категория грамматического рода (КГР) – явление многоаспектное, проявляющееся на разных уровнях языковой структуры: морфолого-словообразовательном, синтаксическом, лексико-семантическом. КГР представляет собой единство семантического и формально-грамматического в слове и при актуализации семы рода всегда связана с экспрессивностью. В 70-80-е годы активно дискутируемым в лингвистической литературе можно считать вопрос о том, является ли грамматический род морфологической категорией, “суперкатегорией” или же он представляет собой оппозицию формальных классов.

Исследователь И. П. Иванова рассматривает род имен существительных как собственно-формальную грамматическую категорию и утверждает, что род «представляет собой полностью бессодержательную классификацию», и ее уточнение, что «это не в такой степени выражено, как в случае типов склонения» [10:58], не меняет общей оценки исследователем места грамматического рода. Значительное число сторонников и у лингвистов, поставивших для себя целью устранение логических противоречий и терминологического несовершенства в ономаσιологической трактовке КГР. «Ориентируясь при названии грамматической категории на ее отображательную сущность, целесообразно использовать объяснительный термин “грамматическая категория естественного пола референтов существительных”, рассматривая, помимо этой категории, 3 асемантических согласовательных класса имен. В рассмотрении этой категории необходимо исходить из реальной парадигматичности как плана содержания, так и плана средств выражения категории» [12:21]. Нами разделяется точка зрения исследователей, которые признают, что «в области морфологических категорий род занимает периферийное положение, находится в той периферийной зоне, где можно видеть общий сегмент двух перекрещивающихся кругов – круга морфологических категорий и круга оппозиции формальных классов» [4:40]. И объясняется такая трактовка тем, что формы рода у одушевленных существительных указывают на естественный пол референта, морфологическое значение рода имеет смысловую основу по отношению к существительным, обозначающим названия живых существ м. и ж. пола, а в группах неодушевленных – представлены в качестве форм согласовательного класса [См.: 3; 12; 13; 17; 19; 20].

КГР имен существительных является классификационно-несловоизменительной категорией, «род (как падеж и число) с точки зрения форм выражения в языке флективного типа – синтаксичен, поскольку грамматическая синтагматика – это элемент грамматической формы слова. Но он в семантическом и классифицирующем планах – лексичен [20:4]. Исследователи отмечают, что классификационно-несловоизменительные категории теснее связаны с лексической семантикой, чем словоизменительные. КГР имен существительных обладает способностью актуализироваться и метафоризоваться [21:51]. На возможность актуализации эстетических потенций КГР обращает внимание и В. В. Виноградов: «КГР имени существительного, представляя собой во многих отношениях палеонтологическое отложение отживших языковых идеологий, однако не является в современном русском языке только техническим шаблоном «оформления» существительных. Она еще знаменательна» [5:57-58]. Нами поставлена задача проанализировать способы эстетической актуализации КГР в поэтических произведениях Б. Ахмадулиной и А. Вознесенского и произвести сопоставительный анализ используемых для этого художественных приемов. Внимание привлекли случаи выбора автором существующего грамматического варианта, функционирование которого ограничено. Автор предпочитает его, поскольку это помогает ему в передаче не только важного информационного кванта, но и эмоционально-оценочного сигнала, так как поэтическое произведение более чем какое-либо другое «... изначально детерминировано как субъективный акт и по форме и по содержанию. Познавательный акт уже по своей природе содержит так называемый оценочный момент, который и есть не что иное, как произведенная субъектом мыслительная операция над предметом высказывания... » [14:142].

Итак, здесь представлены грамматические варианты, функционирование которых ограничено и которые привлекли внимание авторов возможностью актуализации грамматической семы рода. Данные словопотребления ограничены в функционировании определенным стратом: функциональным стилем, территориально, социально и т. д. Авторы оживляют то грамматическое значение рода в словоформе, которое есть у каждого носителя языка в пресуппозиции, вызывая тем самым целое ассоциативное поле в сознании декодирующего авторский сигнал. Все ярче над небесным краем двух зорь единый **пламень** рос [1:73]. Словоформа **пламень** как грамматический вариант к **пламя** функционирует как существительное м. рода. Поэтесса выбрала этот вариант несмотря на то, что в словарях он дан с пометами «устар. /высок». Более точная характеристика дана в МАС — «трад. — поэт. ». Следовательно, читающий сразу погружается в мир поэзии, где звучит эта словоформа в стро-

ках Лермонтова, Пушкина, Тютчева, Фета, т. е. несколько меняется угол восприятия текста. И в этом (и подобных) случае точка зрения исследователей, считающих, что «... по мере усиления абстрагирования из некогда осмысленного разделения по родам возникает чисто грамматическая (формальная) категория, которая в исторических индоевропейских языках в большинстве случаев утратила семантическую обусловленность и не имеет никакого логического обоснования» [17:60], кажется спорной, не касающейся поэтического языка, где устаревшая словоформа, употребленная в муж. роде, несмотря на то что существительное неодушевленное, не безразлична к роду, а сразу попадает в дихотомию м. род – ж. род, где м. род обозначает сильное, властное начало. Нам ближе точка зрения А. М. Пешковского, который утверждал, что и в названиях предметов, например, в лексеме **вода**, ощущается «какая-то символическая связь с существом женского пола» [18:55], так и в лексеме **пламень** присутствует связь с сильным началом мужского пола. Налицо актуализация экспрессивности словоформы, которая проявляется «как выбор нехарактерного, нетипичного или даже ненормативного языкового варианта при решении той или иной коммуникативной задачи, варианта менее частотного, чем его дистрибуция» [16:52].

Облак над Консерваторией золотым пронзен лучом – как видение Егория не с копьём, но со смычком [9:11].

А. Вознесенский выбирает грамматический вариант ограниченного функционирования м. рода, в котором актуализируется сема рода, потенциально могущая приблизить лексему к существительным одушевленным (облак – змей). Данная словоформа в современных словарях не отражена, но в Толковом словаре живого великорусского языка В. И. Даля лексема **облак** зарегистрирована с пометой «вост. », «встречаемая к востоку от Москвы, не исключая и Сибирь». В качестве иллюстративного материала предложен фразеологизм: «Под облак не прянешь, и в воду не уйдешь, терпи».

Нами разделяется точка зрения Ю. Л. Левитова, утверждавшего, что «... грамматические единицы обнаруживают абсолютную экспрессивную окраску только при условии, если уже в системе языка заложены по крайней мере две грамматические единицы с относительно тождественным денотативным содержанием... и противопоставленные друг другу по частотному признаку – частичная модификация интегрального смыслового признака в системных синонимах является семантической основой для их экспрессивных созначений» [15:90]. Поэтому исследователю поэтического языка важно, оценивая уместность употребления той или иной грамматической формы, помнить, что эти формы и присущие им грамматические значения не только обеспечивают феномен передачи инфор-

мации, но и принимают непосредственное участие в придании высказыванию экспрессивных, эмоционально-оценочных параметров, воссоздают в сознании реципиента ассоциативно-образное поле обозначаемого, пресуппозиционную информацию. Рассмотрим это явление среди одушевленных существительных, у которых реальные родовые представления связаны с представлениями о естественном поле живых существ, с семантикой признака пола. «Окстись, **убивец**-человек!» – кричали мне, кто были живы. Через мгновения их всех погубят взрывы [6:278]. Данная морфостилема **убивец** показалась автору предпочтительнее вследствие того, что существительное **убийца** способно обозначать как лицо женского, так и мужского пола (в норме это существительное общего рода), но для автора в данном случае не важна идея пола, а важна идея лица. Это он и осуществил, используя словоформу **убивец**, которая употребляется только в м. роде (с пометой «прост» в МАС, у Ожегова отсутствует), рядом со словоформой человек, тоже стоящей в м. роде и тоже в первую очередь передающей идею лица, а не идею пола. Можно сказать, что эта словоформа содержит стилистически релевантную информацию, дополняющую денотативно ориентированную часть значения.

Когда ж, наконец, откинем копыта и превратимся в звезду, в навоз – про нас напишет стишки **пиита** с фамилией, начинающейся на «Авось» [7:198].

Словоформа **пиита** наравне с **пиит** комментируется в МАС как существительное м. рода, «книжн., устар., теперь шутол. и ирон. ». Несмотря на то, что у вариантов **поэт** и **пиита** род одинаков, предпочтение автор отдает форме **пиита** (ассоциируется со словом **бумагомарака**), так как флексия **-а** актуализируется настолько, что кажется, будто перед нами существительное ж. рода, называющее лицо м. пола. Это связано с тем, что флексии **-а/-я** являются омонимичными для существительных м. и ж. рода (воевода – сестра). Внимание реципиента концентрируется на знаковой форме манифестации содержания, и возникает такое когнитивное состояние психики, которое и хотел вызвать автор: ироничное отношение к такому “летописцу”, который будет, не приняв личного участия в тяжелых испытаниях, с легкостью их описывать.

Ночь. Горячая мысль не умеет угнаться за смыслом: та ирландка, чей цвет розовее, чем пламя свечи, что актрисой была и звалась Генриеттой Смитсон, кем приходится мне, чтобы ночь на нее извести. [2:259]. Б. Ахмадулина так же, как и А. Вознесенский активно использует из двух существующих вариаций одной лексемы ту, функционирование которой по каким-либо параметрам ограничено. Б. Ахмадулина в основном использует данные варианты с целью придания повествованию камерного звучания. У существительного м. рода **актер** есть 2 коррелята ж. рода:

актерка и актриса. Внимание поэтессы привлекла устаревшая грамматическая форма, что полностью объясняется художественной заданностью этого стихотворения. Следует отметить, что данный художественный прием реализуется значительно частотнее в творчестве Беллы Ахмадулиной, чем у А. Вознесенского.

Если же речь идет о выборе грамматического варианта, маркированность которого заключается в том, что он функционирует преимущественно в разговорной речи и кодифицированным не является, то следует сказать, что нами такие словоупотребления у Б. Ахмадулиной не зафиксированы. У Вознесенского же это один из актуальных способов передачи выразительности, он активно решает вопрос о выборе между нейтральным коррелятом и экспрессивно-эмотивным вариантом в пользу последнего (из сленга музыкантов, художников, молодежного сленга, просторечия).

Когда задевает за **мозгу мозга**, нырните в бассейн «Москва» [8:696]. Если нормативное существительное **мозг** функционирует в м. роде и означает – «центральный отдел нервной системы человека и животных”...», то коррелят ж. рода, по всей видимости, означает «одну извилину мозга», часть целого, очень малую дееспособную часть, не дающую большого КПД при использовании.

Чего вам? Рифм **кило**? Автографа в альбом? Алло!.. . Отбой... [6:510]. Словоформа **кило**, функционируя в разговорной речи как несклоняемое существительное среднего рода, является грамматическим вариантом к нормативному **килограмм** м. рода. В данном тексте словоформа **кило** принимает участие в большей семантической компрессии текста, оттеняет наиболее существенные параметры инварианта информации. Этому также способствуют эллиптичность конструкций и синтагматика – соединение лексемы **рифма** и **кило**, «единица веса в метрической системе мер... », с помощью которой не осуществляется измерение такого явления, как рифма. Это дает яркую стилизацию скандала продавца с покупателем.

Хлещи джинсовкой, схлещивай! До пояса гола, сбивает пламя женщина с обшивки «**Жигуля**». Разговорная форма «**Жигуль**» как название автомобиля «**Жигули**» употребляется в м. роде ед. числа. Обращает на себя внимание то, что далее автор употребляет и нормативную форму: Горят твои избы. В баке «**Жигулей**» не взорвались лишь бы семьдесят коней! [8:55]. В первом четверостишии разговорная форма необходима автору для создания антонимичной пары по роду: **женщина**, слабая, хрупкая, и «**Жигуль**», сильный, мощный, в данном случае опасный. Это столкновение словоформы по роду экспрессивно значимо. А далее уверенность автора в том, что «зверь» будет укрощен, подкреплена некрасовскими «горящими избами», которых не страшится русская женщина.

Встречается выбор автором между нейтральным коррелятом и экспрессивно-эмотивным вариантом, ограниченным употреблением в разговорной речи, среди имен существительных, называющих лицо по профессии, социальному происхождению и т. д.

Когда сегодня **редакторша** одного издательства категорически требует снять в «Избранном», составленном старейшим нашим поэтом Арсением Тарковским, 70 (!) стихотворений, не однажды опубликованных, – это грех безапелляционности [8:137]. В нормативной речи при имеющемся варианте парадигматическая форма м. рода **редактор** предпочтительнее (использование формы м. рода для наименования лица ж. пола), в словоформе ж. рода **редакторша** налицо стилистическое созначение, которое осложняет лексическое и грамматическое значение данного слова. В корреляте ж. рода актуализируется сема «феминальность», и в рамках дискурса возникает значение «женский» как символ слабости, но не физической, а профессиональной. Смысл слова в художественном произведении не ограничен его прямым номинативно-предметным значением. Смысловые и экспрессивные дополнительные созначения могут осложнять и нормативный коррелят ж. рода, именующий лицо ж. пола по профессии: Над трудящимися Севера **писательница**, тепло встреченная, тарыхтит, как пустая сеялка, разумного, доброго, вечного [9:71]. В данном нормативном словоупотреблении присутствует ярко выраженная отрицательная коннотация, возникают дополнительные семы, стремящиеся из периферийных в ядерные: «слабый профессионал», «несерьезный писатель», «поверхностно думающий», «клишированно говорящий».

Рассмотренные факты позволяют сделать следующие выводы.

Выбор одного из грамматических вариантов словоупотребления, ограниченного стратом функционирования, – актуальный художественный прием для обоих авторов.

Статистически число словоупотреблений в творчестве Б. Ахмадулиной выше, когда речь идет о кодифицированных вариантах с пометами «устар. », «высок. », «поэт. », «книж. ».

Некодифицированные грамматические варианты сленгового происхождения не характерны для Б. Ахмадулиной.

У А. Вознесенского активно используются грамматические варианты с широким спектром помет и те, которые вообще не включены в словари, т. е. функционирующие в молодежном сленге, сленге музыкантов, художников.

Среди грамматических вариантов у обоих поэтов количество словоупотреблений одушевленных существительных выше, чем неодушевленных.

1. **Ахмадулина Б. А.** Сад: Новые стихи. — М., 1987.
2. **Ахмадулина Б. А.** Сны о Грузии: Стихи, переводы, проза. — Тбилиси, 1979.
3. **Безпояско О. К.** Іменні граматичні категорії (функціональний аналіз). — К., 1991.
4. **Бондарко А. В.** Теория морфологических категорий. — Л., 1976.
5. **Виноградов В. В.** Русский язык. Грамматическое учение о слове. — М., 1972.
6. **Вознесенский А. А.** Аксиома самоиска. — М., 1990.
7. **Вознесенский А. А.** Витражных дел мастер: Стихи. — М., 1980.
8. **Вознесенский А. А.** Ров: Стихи, проза. — М., 1987.
9. **Вознесенский А. А.** Собрание сочинений: В 3 т. — М., 1984. — Т. 3.
10. **Иванова И. П.** Структура слова и морфологические категории // Вопросы языкознания. — 1976. — № 1.
11. **Колесников А. А.** Аналитизм в грамматической системе современного русского языка. — Измаил, 1992.
12. **Колесников А. А.** Семантическое обеспечение грамматических форм имен существительных современного русского языка: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. — Л., 1989.
13. **Колесников А. А.** Семантическое обеспечение грамматических форм имен существительных русского языка. — К., 1988.
14. **Колшанский Г. В.** Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. — М., 1975.
15. **Левитов И. Л.** Стилистическое созначение грамматических единиц на уровне языка и контекста // Стилистика художественной речи. — Калинин, 1982.
16. **Макаров М. Л.** Экспрессивность и ритм // Стилистика как общелиологическая дисциплина. — Калинин, 1989.
17. **Никитин А.** К вопросу о семантической мотивации грамматического рода имени существительного в индоевропейских языках // Вопросы семантики и стили. — Уфа, 1985.
18. **Пешковский А. М.** Избранные труды. — М., 1959.
19. **Протченко И. Ф.** О родовой соотносительности названий лиц: Из наблюдений над лексикой советской эпохи // Развитие грамматики и лексики современного русского языка. — М., 1964.
20. **Ревзина О. Г.** Основные черты категории рода // Славянское и балканское языкознание. Проблемы морфологии современных славянских и балканских языков. — М., 1976.
21. **Шендельс Е. И.** Грамматическая метафора // Филологические науки. — 1972. — № 3.